

актуальною являється необхідність в'яснення істинного начала таких произведених в сферах их образотворення, иконографії, функціональності, распространения через призму научных исследований, публикаций значимости и истинной стоимости соответствующих объектов, наконец, предотвращения всевозможных дилетантств и несоответствий в непосредственной практике их выполнения, отделки, а также их почитания и ухода за ними.

Считаем, что предложенная тема позволит не только расширить область исследования украинской сакральной скульптуры и вообще сакрального искусства как такового. Нарботки такого плана станут важным звеном в сфере подготовки разного рода изданий об украинской скульптуре, в частности, её культовом направлении, духовно-религиозном контексте; поможет искусствоведам объективно исследовать культурно-художественные тенденции и движения, их непосредственное проявление на обследуемых территориях, изучать иконографическую, стилистическую и образную выразительность соответствующих артефактов, определять ведущие центры и мастерские исследуемой художественной практики, вводить в научную сферу имена мастеров сего дела, очерчивать уровень их профессионализма, предпочтений, вкусов.

Список цитируемых источников

1. Музичка І. Українське сакральне мистецтво і богословія // Українське сакральне мистецтво: традиції, сучасність, перспективи : Матеріали міжнар. наук. конф., 4—5 трав. 1993 р. / Львів. акад. мистецтв [та ін.]. Львів : Свічачо, 1994. С. 11—34.
2. Музичка І. Ікона в родинному житті українського народу // Українське сакральне мистецтво. Вип. 2: Питання іконографії / за ред. І. Голода. Львів, 1995. С. 8—20.
3. Черепанова С. О., Скотний В. Г., Бичко І. В. Українська культура: історія і сучасність / за ред. С. О. Черепанової. Львів : Світ, 1994. 456 с. : іл.
4. Телегін Д. Я. Давня кам'яна скульптура / авт. тексту Д. Я. Телегін, фото Л. А. Альскіна. Київ : Мистецтво, 1972. 24 с. : з іл.
5. Лекції з історії світової та вітчизняної культури / за заг. ред. А. Яртиса, С. Шендрика, С. Черепанової. Львів : Світ, 1994. 496 с.
6. Історія українського мистецтва : в 6 т. / АН Української РСР. Київ : УРЕ, 1966. Т. 1 : Мистецтво найдавніших часів та епохи Київської Русі. 455 с. : іл.
7. Щербаківський Д. Буковинські і галицькі дерев'яні церкви, надгробні і придорожні хрести, фігури і каплиці // Українське мистецтво. Київ—Прага : Укр. гром. вид. фонд, 1926. 62 с. : іл.
8. Українці: народні вірування, повір'я, демонологія / упор. А. П. Пономарьова, Т. В. Косміної, О. О. Боряк. Київ : Либідь, 1991. 640 с.
9. Шонк-Русич К. Дерев'яна різьба в Україні. Нью-Йорк, 1982. 183 с.; іл.
10. Огієнко І. І. Дохристиянські вірування українського народу / Ін-т дослідів Волині. Вінніпег, 1965. 424 с.
11. Грушевський М. Історія України-Руси : в 11 т. / ред. кол.: П. С. Сохань (голова) [та ін.]. Київ : Наук. думка, 1992. Т. 2. 640 с.
12. Герчанівська П. Дерев'яні церкви України. Київ : Наук. думка, 1996. 133 с.
13. Чарновський О. О. Українська народна скульптура. Львів : Вища шк., 1976. 143 с. : з іл.
14. Kunczyńska-Gracka A., Fryś-Pietraszkowa E., Pokropek M. Sztuka ludowa w Polsce. Warszawa : Arkady, 1988. 338 s.
15. Кравич Д. П. Мотив скорботної постаті в мистецтві українського середньовіччя // Альманах'94. ЛАМ. Львів, 1995. С. 97—99.
16. Білецький П. О. Українське мистецтво другої половини XVII—XVIII століть. Київ : Мистецтво, 1981. 159 с.; іл.
17. Грабарь И. Э. Деревянное церковное зодчество Прикарпатской Руси // История русского искусства : в 6 т. М. : Изд. И. Кнебель, 1910. Т. 2. 478 с. : с ил.

УДК 726.52 (477.83)

М. Б. Сидор

*Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко,
Дрогобыч, Украина*

ЧАСОВНИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Введение. Согласно законам диалектики, в каждый период истории человечества происходит формирование нового типа культуры. Этот процесс предполагает не только отказ от старого, отжившего, но и сохранение интеллектуально-культурных достижений предыдущих поколений. Связано это с существованием вечных ценностей: веры, традиций, национальных приоритетов. Именно такая закономерность и предопределяет сохранение в наше время, «эпоху всеобщей урбанизации», достижений народной материальной культуры. Она выступает неотъемлемым компонентом этнокультурной информации, которая передаётся от поколения к поколению в повседневных вещах: одежде, жилье, домашней утвари, в различных культовых сооружениях.

Среди последних особое место занимают часовни, и прежде всего те, которые имеют статус «придорожные». Изучение этих «малых» представителей украинской сакральной архитектуры и искусства всегда терялось в тени обширных и масштабных исследований «больших» культовых репрезентантов — церквей, соборов, костелов, колоколен. И хотя мы имеем сегодня ряд научных трудов Д. Антоновича, О. Болюка, Ф. Вовка, М. Драгана, Г. Колцуняка, Д. Кравича, Т. и М. Лопаткевичей, В. Малины, Н. Моздыра, Р. Райнфуса, В. Сечинского, Ю. Тарновича, О. Чарновского, Д. Щербаківського, в которых отчасти поднимались вопросы о сущности часовен, их распространении и развитии в разных регионах и местностях. Но наработанные результаты не пролили достаточно света на эти вопросы. Ни одна из разновидностей этих объектов не подвергалась комплексному освещению. В итоге нынешнее общество владеет поверхностной информацией о сущности такого наследия своих предков.

Важность этого вопроса имеет прямое отношение и к изучению таких объектов будущими специалистами в сфере художественного и гуманитарного образования. Речь идёт о том, что материалы, которые формируют информационный блок об экзистенции и развитии малой сакральной архитектуры в рамках, к примеру, курса «История украинского искусства» (а в общем, и искусства славянских народов) для соответствующих учебных заведений, слишком обобщены и недостаточно полны. Сложившаяся ситуация исключает полноценное раскрытие всех сторон природы таких творений, их функционального назначения, специфики образотворения, локализации, особенностей выполнения в материале, также связанных с ними обычаев.

В контексте изложенного выше целью нашей работы ставим раскрытие сущности украинских часовен, акцентируя наибольшее внимание на типичных структурных укладах объектов со статусом «придорожные».

Основная часть. Профессионально выстроенный и логично структурированный тандем художественных и образовательных концепций уклада современной жизни играет важную роль в развитии современного общества. Особенно это касается тех личностей, которые выбрали своей жизненной дорогой искусство, ту или иную определённую сферу его исследования, в целом профессию художника, историка, культуролога, преподавателя искусств и т. п. Ведь искусство является мощным фактором социального развития. Оно даёт возможность представлять качественную характеристику общественной жизни, олицетворять в себе специфический способ человеческой жизнедеятельности, фиксирующийся в результатах творческой работы и социокультурных нормах.

Составляющей творческого выражения «прошлого», с которым непременно должны ознакомиться современные и будущие поколения, являются часовни — представители так называемой малой сакральной архитектуры. Такие творения представляют многовековой опыт истории украинского народа, его духовного, религиозного и художественного становления, помогают проникнуться его самобытностью, приблизиться к пониманию украинской культуры, её истинным достижениям и достоянию.

Это замечание или констатацию никак нельзя воспринимать как обычную «формальность». Причина проста. Сегодня немало памятников малой сакральной архитектуры по разным причинам постепенно теряются, а отсюда — и образцы самобытной культуры, примеры оригинального решения таких объектов, отделка их внешнего вида, наполнение внутренней среды. Культовые сооружения, возводимые на протяжении последних десятилетий, своим образным решением не всегда соответствуют традициям создания таких объектов. Примечательным становится и процесс их общей стандартизации. На этом основании вычерчивается логическое мнение, что мы навсегда можем потерять не только истинные образцы украинских часовен, как особых форм проявления отечественной материальной культуры, но и память о различных духовных обычаях и традициях нашего народа, которые непосредственно связаны с ними.

В рамках поднятой проблемы предоставляем выведенную нами общую классификацию часовен.

К первой группе исследуемых сакральных объектов (последовательность перечисления не имеет значения) относим особый вид часовен — «придорожные». В этих сооружениях тесно переплелись линии сакрального и художественного, синтезировались строительное дело, резьба, живопись,ковка и другие виды художественной деятельности человека. Особенными, словно «поэтическими произведениями» [1, с. 11], такие сооружения воссоздавали на галичских землях. В целом такие творения стали настоящим достоянием народного творчества, выразительной частью «...проявления большого творческого опыта украинцев» [2, с. 4].

Поскольку придорожные часовни являются одной из разновидностей часовен как таковых, то в целом ещё следует различать:

– часовни-храмы (малые церкви, «церквушки») как отдельные архитектурные здания, или оснащённые под храм пещерные или гротные пространства);

– часовни как «домашние храмы» (могут иметь вид отдельного сооружения или специально отведённого помещения в здании, в частности, часовни замковые, дворцовые [3, с. 110], при учебных заведениях [4, с. 116], медицинских учреждениях, различных предприятиях и т. п.);

– часовни при храмах (объекты для молитв и других культовых потребностей, которые являются частью ансамбля храма или архитектурной составляющей его здания [5, с. 110]; отдельной группой таких часовен являются крипты — специальные помещения под алтарной частью западноевропейских храмов, которые предназначались для почётных захоронений [6, с. 94]);

– часовни-станции (формируют целый духовный комплекс (14 объектов), который олицетворяет собой «Дорогу Страданий» (лат. “Via della Croce”, “Via Dolorosa”) — путь Иисуса Христа на Голгофу. У каждой из станций во время Великого Поста читаются особые молитвы, благодаря которым лицо или целый церковный поход получает индульгенции (прощение грехов));

– кладбищенские часовни (возводились на кладбищах для молитв и богослужений за упокой умерших душ, в них справляли панихиды и устраивали на Фомину неделю поминальные обеды [7, с. 25]);

– часовни-усыпальницы (сооружения для захоронения умерших, строились по заказу целых семей и были достаточно распространённым явлением в украинском культовом строительстве [8, с. 8], например, часовни Кампианов и Боимов во Львове, Шептицких в селе Прилбичи Яворовского района Львовской области и др. Отдельную группу здесь составляют надгробные часовни, которые, в подобие надмогильных крестов, обелисков и плит, возводились на местах захоронения умерших как знаки памяти о них).

Возвращаясь к придорожным часовням, хотим отметить следующее: за весь достаточно длительный период изучения образцов украинского сакрального искусства учёные и исследователи, которые обращали внимание на придорожные часовни, и в частности на те, что имеют «приписку» к галичским землям, в основном констатировали только факт существования таких сооружений, подавая иногда их краткое описание и характеристику планировочных

решений. Более содержательными произведениями в этом плане можно считать труды Даниила Щербакивского [9] и Тадеуша и Малгожаты Лопаткевичей [10]. В трудах Д. Щербакивского речь идёт о четырёх архитектурных типах галичских придорожных часовен, которые он выводит на основе обследованных им объектов, а именно: «часовни столбовые», «кресты и статуи святых под крышей на четырёх колоннах», «дома-ниши для образов» и «часовни для молитвы» [11]. Лопаткевичи, которые исследовали культовые придорожные объекты на территории Лемковщины, среди придорожных часовен этого региона выводят такие типы, как часовни «блоковые», «двухъярусные», «ящичные» и «апсидные» [12]. Однако в этих работах есть некоторые моменты, на наш взгляд, располагающие к дискуссии. К примеру, трудно согласиться с трактовкой первого и второго названий отдельных типов часовен. Также считаем, что недостаточно чётко определена и сама структура, и принципы формообразования некоторых типов, и их количественный состав.

Если внимательно проанализировать особенности и специфику формообразования исследуемых объектов, их архитектурно-структурную структуру, то увидим, что в решениях этих объектов просматриваются родственные характерные признаки, присущие их определённым типологическим группам. Подтверждением этому является то, что придорожные часовни на украинских и непосредственно галичских землях приобрели самые разные образы и формы — от «иконы на столбе под крышей» до «храмоподобных зданий». Соответственно, здесь нужна надлежащая классификация и со стороны их конструктивного выражения, и со стороны самого характера их внутреннего пространства, так как с точки зрения архитектурного анализа исследуемые объекты следует рассматривать, собственно, как «пространство и его ограничение» [13].

По народным обычаям и поверьям, основной принцип выражения «духовного содержания» придорожных часовен заключается в воспроизведении «места встречи с Богом», «святого места», которое находится под покровительством Бога-Отца и Небес. В контексте христианского мировосприятия образ такой «среды» выражается «куполлом храма», «алтарной сенью», «киотом»). Заимствование таких формообразований в предметно-пространственную среду придорожных часовен на основе различных традиционных подходов в строительном деле или искусстве вообще и характер подручного материала обусловили существование таких его форм, как «открытая среда», «ниша» («полуоткрытая среда») и «закрытая среда».

В придорожных часовнях с открытой средой можем с разных сторон видеть предметы и объекты культа, которые находятся в них. При восприятии таких сооружений формируется ощущение лёгкости пространства, и основной акцент формообразования приходится на крыши и верхушки. В часовнях с такой средой можно одновременно принимать и их внешность, и их внутреннюю часть.

Объекты с внутренним пространством в форме «ниша», как углубление в массиве или стене, требуют преимущественно фронтального обзора со стороны «главного» фасада. Присутствие здесь фона ниши творит общий образ «киотной среды». Встречаются и такие придорожные часовни, которые в своих конструкциях имеют и ниши, и открытую среду.

Закрытая среда определяется наличием настоящего интерьера в придорожной часовне. Такая среда, как правило, имеет наиболее развитые формы своего архитектурного ограничения, которые, в целом, формируют реальную архитектурную клетку. Среди галичских придорожных часовен с закрытой средой очень распространены объекты, в которых входная (главная) сторона имеет ещё одно «пространство». Оно может быть решено в форме открытой или закрытой среды.

Принимая во внимание присущие признаки и особенности создания форм придорожных часовен, с обязательным учётом антропометрических параметров фигуры человека, распределяем пространственную среду этих сооружений на два типа: «развитая среда» и «модельная среда»). На этом основании выводим две типологические группы придорожных часовен: «часовни развитых типов» и «часовни модельных типов».

К часовням развитых типов будут принадлежать все те сооружения, которые фактически являются настоящими архитектурными зданиями, а их интерьер имеет признаки развитой внутренней пространственной среды. В таких объектах вместе со скульптурами святых или другими предметами культового обихода, которые там находятся, может свободно, в полный рост поместиться хотя бы один человек или, соответственно, большее число людей.

К часовням модельных видов относим те объекты, пространственное решение которых есть не что иное, как модельное отображение самой сути развитого интерьера. Несмотря на то, что общая высота сооружений отдельных модельных типов может иногда достигать трёх метров, а то и больше, величина их внутренней пространственной среды, в которой располагаются иконы, статуи святых или другие культовые реликвии, относительно мала. Размеры такого пространства позволяют разместить в нём исключительно объекты культа. Примером сказанного можно назвать часовенку из деревни Турье Турковського района Львовской области. Её внешний вид как у обычной часовни «домового» типа, однако высота её дверей в стене главного фасада всего лишь 1 м 20 см.

Такое сопоставление величин сооружений и их внутренней среды имеет свое объяснение. В одних случаях это вызвано характером самой формы пространства, которая может быть выражена, например, в виде ниши в массивах сооружений различных архитектурных типов. В других — это связано с мировоззрением людей. Поскольку мы ведём разговор о часовнях, которым присуще внутреннее пространство типа «модельное», то и само их решение будет также модельным. В нём человек старался отразить характерные формы настоящего храмостроения, но, соответственно, в малых размерах. Именно поэтому во многих придорожных часовнях малых размеров можем видеть идентичность их архитектурных форм с формами развитого строительства. Такие явления обуславливались тем, что в воображении людей придорожные часовни существовали не только как объекты сакрального назначения, в которых размещались иконы или статуи святых, но и как «дома», в которых святые «обитали». Поэтому создатели таких сооружений пытались вывести соразмерность отношения величин человеческой фигуры к устоявшимся формам их архитектурного пространства.

Согласно восприятию и пониманию пространственной среды исследуемых объектов, отмечаем, что к развитому типу внутреннего пространства будет принадлежать «открытая среда» и «закрытая среда»; модельному типу внутреннего пространства этих объектов присущи такие его формы, как «открытая среда», «ниши» и «закрытая среда».

К придорожным часовням с наиболее развитой средой будут относиться часовни домовые. Их внутреннее пространство классифицируем как «развитое закрытое». В таких объектах есть все основные архитектурные компоненты: наземное основание, пол; стены, в которых могут быть небольшие окошки; вход, который в большинстве случаев имеет двери; перекрытия, крыши. Эти компоненты дают право называть такие объекты настоящими архитектурными зданиями. Согласно виду и характеру применяемых материалов они могут возводиться из дерева, выкладываться из камня, кирпича, выполняться из бетона.

В формировании пространства домовых часовен важную роль играет и их планирование, и характер их конструктивного решения. Беря это во внимание, в данном типе выводим два отдельных подтипа: часовни домовые простые и домовые с галерейкой (помостом, крыльцом).

Часовни-кивории — объекты этого типа имеют вид «крыши», содержащейся на колоннах или столбах. В архитектуре такая формообразующая структура называется «киворий» или «синь» (от старослав. сѣнь — тень, шатёр, навес, покрытие, которые содержатся на столбах или колоннах и сводятся над алтарём, колодцем, треном или завершают башнеобразными сооружениями и т. п.) [14, с. 169].

В зависимости от конструкции таких сооружений их внутреннее пространство можно классифицировать как «развитое открытое» и «развитое закрытое», что, в свою очередь, обуславливает определение здесь отдельных подтипов: часовни кивориевые простые, кивориевые с парапетом (пространство «развитое открытое»), кивориевые с ажурными стенами (пространство «развитое закрытое»).

В часовнях кивориевых простых отделение их внутренней среды от внешнего окружения является относительно условным, поскольку определяется оно «визуальным ограничением» по периметру земного планирования или формы крыши сооружения. Здесь столбы или колонны, которые удерживают крышу, по всей высоте условных стен этих сооружений не имеют никакого дополняющего конструктивного элемента.

Часовни кивориевые с парапетом отличаются имеющимся определённым материальным ограничением в нижней части столбов или колонн в виде парапета, перил, невысокого ограждения и т. п. Исследователь Д. Щербакинский такие часовни выводит в тип «кресты и фигуры под крышей на четырёх колоннах» [15]. Такая трактовка хоть и выражает общую структуру рассматриваемого типа придорожных часовен, но, по нашему мнению, слишком объёмная и неудобная в речевом употреблении, тем более, что сооружения этого типа могут иметь и более чем четыре опоры (столбы, колонны) для поддержания крыши.

Часовни кивориевые с ажурными стенами в целом внешне выглядят как часовни типа «домовые». Можно считать, что они уже имеют стены, роль которых играют разного рода ажурные конструкции, полностью заполняющие пространство между опорами для крыши.

Часовни домообразные — в сооружениях этого типа просматриваются те же принципы формообразования, что и в часовнях домовых. Однако их внутреннее пространство рассчитано только на скульптуры, иконы или кресты, поэтому мы относим их к часовням модельного типа с «закрытой средой». Как и в домовых часовнях, здесь также делаем деление на подтипы — часовни простые домообразные, которым свойственна «закрытая среда», и домообразные с галерейками, внутренние пространства которых классифицируются как «закрытая среда» и «открытая среда».

Среди галичских придорожных часовен есть объекты, внутренняя среда которых классифицируется как «модельная» и выражена в форме «ниша». Внутреннее пространство здесь формируется на основе углубления в массивах сооружений различных типов. Согласно этому, следует различать часовни ящичные (типа «киот»), часовни дупловые, обелисковые, постаментные и часовни «дома-ниши». Все эти типы своим названием указывают на характер и структуру самих объектов, в которых имеются ниши как места для хранения икон, скульптур святых или других культовых реликвий.

Часовенки ящичные. Творения этого типа необычны в своём общем решении, если их воспринимать как малые архитектурные сооружения. По принципу формообразования они являются отражением киота, как ящик или шкафчик для икон [16, с. 448] и скульптур [17, с. 150]. Здесь видим определённую аналогию и родство в общей структуре этих объектов.

По способу установления эти часовенки относятся к «навесным», и места их расположения разные. Такие объекты можно увидеть на фасадах домов, на стволах деревьев, на основаниях придорожных фигур и крестов, или даже простых обычных вкопанных в землю столбах.

Часовни дупловые — эти объекты воплощены в массиве ствола дерева. Углубления, которые играют роль ниши для размещения скульптурных изображений святых или других культовых реликвий, могут быть образованы обычным, естественным способом (образование дупла) или специально издолблены (резные). К такой «природной среде» человек добавлял, как правило, козырёк, иногда в нижней части отверстия-ниши приспособлял небольшую ограду, и всё это вместе создавало образ «архитектурного сооружения», которое согласно своему функциональному назначению становилось часовенкой.

Придорожные обелисковые часовни своим внешним видом воспроизводят образ «сооружения-obeliska». Общей нагрузкой массивов такие объекты воспринимаются «тяжёлыми» в нижней части, а по мере роста вверх они становятся более «лёгкими», даже «ажурными». Это происходит благодаря тому, что общая стержневая форма сооружения (прямая или ступенчатая) поделена на ярусы, и каждый такой следующий ярус меньше предыдущего по своему объёму или имеет более просторную внутреннюю среду нишеобразных форм для размещения в них

скульптурных изваяний святых, икон и т. д. В соответствии с указанным, каждый ярус отграничен друг от друга карнизами или уступами. Такая архитектурная структура часовен рассматриваемого типа обуславливает выведение двух подтипов — двухъярусные и трёхъярусные.

Часовни постаментные — объекты такого типа, которые похожи на один ярус только что рассмотренных часовенок. Они могут иметь такие же цокольные основы и завершения в форме крыши.

Учитывая, что такие сооружения являются типичными для местностей с развитым промыслом резьбы на камне (в нашем случае это территории Лемковщины), они также вытёсывались из монолитных каменных глыб. «Внутреннее пространство» для размещения скульптур или икон имеет нишеобразную форму. На крышах, которые в основном имеют вид четырёхскатного шатра, располагаются развитые макушки с крестами. В целом все компоненты верхней части рассматриваемых часовен (формы крыш, макушки, которых иногда может быть две, и нижняя играет роль небольшой баньки, яблоко и крест) настолько воспринимаются развитыми и массивными, что сам корпус сооружений, в котором находится ниша, как бы играет роль постамента для указанных элементов их завершения.

Часовни типа «дома-ниши» разделяются на два подтипа — одноярусные и двухъярусные. Это позволяет объективно охарактеризовать все формообразующие принципы их решения.

Сооружения этого типа по структурным основам формообразования схожи с часовнями постаментными (одноярусные «дома-ниши») и двухъярусными обелисковыми часовнями (двухъярусные «дома-ниши»). В то же время общим характерным отличием от только что указанных типов выступает разница отношений пропорциональных величин ширины и глубины к их высоте. Иными словами, часовни типа «дома-ниши» значительно массивнее в соотношении своей высоты, чем постаментные и обелисковые, и своим внешним видом воспроизводят формы, характер и пропорции которых напоминают домообразные сооружения. Крыши рассматриваемых часовен также воспринимаются массивными и развитыми. Внутренняя среда таких объектов образована нишами, которые, в свою очередь, могут быть расположены и в первом, и во втором ярусах.

Кивориеобразным часовням свойственна пространственная среда типа «модельная открытая». К ним относим объекты, которые своим внутренним пространством и его архитектурным ограничением подобны часовням кивориевым. Основной принцип их формообразования — моделирование «сени» (простого шатра на колоннах), однако в относительно малых размерах. Небольшие габариты такой кивориеобразной конструкции обусловили наличие в общем решении этих сооружений достаточно высокой архитектурной основы. Такими «подставками» служат различной формы подиумы, как правило, каменные или кирпичные.

Среди часовен с модельным типом пространства выделяем и такой конструктивный тип, как часовни столбовые. В них чётко выделяются два компонента, которые обуславливают целостный архитектурно-пространственный принцип их формообразования, — столб, как вертикально удлинённый массив, и архитектурнообразная конструкция с обязательным присутствием крыши (козырька), которая играет роль собственно «часовни». Габариты такого архитектурнообразного завершения в его горизонтальном сечении намного больше, нежели сечение самого столба. «Внутреннее пространство» таких завершений может быть выражено в форме «открытой среды» или «ниши». Это обуславливает наличие в этом типе сооружений его конкретных подтипов, а именно: столбовые часовни с шатровым завершением, столбовые часовни с нишеобразным завершением и «козырёк на столбе».

Часовни столбовые с шатровым завершением своей внутренней среды и конструктивными формами её ограничения (без учёта основы — столба) аналогичны с алтарной сенью (шатром). Примером объектов этого типа можно назвать существовавшую когда-то прикостельную часовенку Сикстов, которая была возведена во Львове в 1580 г. [18, с. 6]. В нашем исследовании мы рассматриваем её как известную нам наиболее старую галичскую придорожную часовню. Сейчас часть этого сооружения находится во дворе Львовского Национального музея на улице Драгоманова, 42 [19, с. 98]. Сюда также относим две очень старые часовни с территории Лемковщины: объекты из сёл Шкляры (XVII в.) и Яелиська (1669 г.).

Часовни столбовые с нишеобразным завершением аналогичны часовням столбовым с шатровым завершением. Их отличие заключается в том, что здесь внутреннее пространство «завершений» отделено от внешней среды «глухими стенками» с тыльной и боковых сторон (ориентация сторон подаётся в соответствии с расположением изображения фигуры святого, его лицевой стороны).

Столбовые часовни в форме столба и расположенного над ним козырька («козырёк на столбе»), по своей сути значительно проще проанализированных сооружений такого типа. Их внутренняя среда не имеет конкретно определённых архитектурных ограничений. Она формируется сугубо в зоне зависания конструкции козырька (подобно часовням кивориевым простым). Часовни с таким решением пригодны для вывешивания на их основах-столбах икон и крестов.

Заключение. Возникновение разных видов и типов украинских часовен, их непосредственное предназначение, конструктивные решения с различными формами и внутренними пространствами является не просто закономерным явлением процессов эволюции таких объектов. Общим началом их формообразующих принципов, и особенно у придорожных часовен, которые принимали свою сущность от различных форм выражения «опеки и покровительства Небес», был аллегорический образ «купола» («свода», «крыши»), который в семантическом контексте отождествлялся с храмом, святым местом, «порталом» духовного единения с Богом. В материальном, земном понимании человека он постоянно тяготел к «реальным» формам святых. Архитектурные формулы изучаемых строений обуславливались ещё и желанием человека стать вместе со статуей святого или иконой под такое «священное покровительство», т. е. под сам «покров Святого», чтобы иметь возможность непосредственно чувствовать над собой его защиту и заботу. В конечном результате мир таких исканий украинского народа приобрёл самые удивительные формы — от вполне подобного церкви строения до небольшого киота или просто козырька на столбе и даже обычного, но в то же время непосредственного сакрального места в стволе дерева, в виде ящичка на стене дома, на заборе двора и т. п.

Список цитируемых источников

1. Гоберман Д. Н. Гуцульщина — край искусства. М.—Л. : Искусство, 1966. 90 с.
2. Данилюк А. Поклонися народному зодчому. Етнографічні нариси про народну архітектуру України. Львів : Свічачо, 1995. 62 с.
3. Асеев Ю. С. Архитектура Киевской Руси. Київ : Будівельник, 1969. 191 с.
4. Архитектура: короткий слов.-довід. / за заг. ред. А. П. Мардера. Київ : Будівельник, 1995. 330 с.
5. Сичинський В. Історія українського мистецтва. Нью-Йорк : НТШ в Америці, 1956. Т. 1 : Архитектура. 179 с.
6. Ничкало С. А. Мистецтвознавство : короткий тлумач. слов. Київ : Либідь, 1999. 208 с.
7. Щербаківський Д. Буковинські і галицькі дерев'яні церкви, надгробні і придорожні хрести, фігури і каплиці / Укр. мистецтво. Київ—Прага: Укр. гром. вид. фонд, 1926. 62 с.
8. Герчанівська П. Дерев'яні церкви України. Київ : Наук. думка, 1996. 133 с.
9. Щербаківський Д. Буковинські і галицькі дерев'яні церкви, надгробні і придорожні хрести, фігури і каплиці.
10. Лопаткевіч Т., Лопаткевіч М. Мала сакральна архітектура на Лемківщині / авториз. пер. з пол. Нью-Йорк : Фондація дослідження Лемківщини, 1993. 490 с.
11. Там же. С. 26—27.
12. Там же. С. 78.
13. Лопаткевіч Т., Лопаткевіч М. Мала сакральна архітектура на Лемківщині. С. 78.
14. Ничкало С. А. Мистецтвознавство. 208 с.
15. Щербаківський Д. Буковинські і галицькі дерев'яні церкви, надгробні і придорожні хрести, фігури і каплиці. С. 26.
16. Этимологический словарь украинского языка : в 7 т. Киев, 1985. Т. 2. 750 с.
17. Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М. : Искусство, 1993. 255 с.
18. Гранкін П., Отко А. Капличка Сикстів — унікальна сакральна пам'ятка XVI сторіччя // Галицька брама, 2007. № 3—4. С. 6—10.
19. Архитектура Львова: Час і стилі. XIII—XXI ст. / упорядн. і наук. ред. Ю. О. Бірюльов. Львів : Центр Європи, 2008. 720 с.

УДК 332.158

Т. С. Силук

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА В 1939—1953 ГГ.

Введение. После 17 сентября 1939 г. начались коренные преобразования в социально-культурной жизни западных территорий Беларуси. При определении основных направлений государства в области советской культуры была установлена цель — распространять революционный образ мыслей по всей стране. Искусство и образование рассматривались как мощное оружие агитации. Война нацистской Германии против СССР 1941—1945 гг. нанесла всей белорусской культуре огромные и во многом невосполнимые потери. Была почти полностью разрушена материально-техническая база науки, образования и культуры в республике. Многие культурные ценности были либо уничтожены, либо вывезены в Германию. На фронтах, в партизанских отрядах, подполье погибла значительная часть белорусских писателей, художников, музыкантов и других работников культуры.

Важными направлениями социальной политики советской власти являлись развитие образования, медицины, культпросветучреждений. Процессы ликвидации неграмотности среди взрослого населения набирали обороты. Значительно возросли инвестиции в человеческий капитал. Большое внимание государство уделяло социальной защите людей, пострадавших в годы войны (вдовы, инвалиды, дети-сироты).

Основная часть. Значительные изменения после 17 сентября 1939 г. произошли в сфере народного просвещения. 2 декабря 1939 г. было принято Постановление ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования». Отныне все школы западных областей объявлялись государственными и бесплатными. Вводилось общее бесплатное образование (в сельской местности — начальное, в городской — семилетнее). Ликвидировалось раздельное обучение мальчиков и девочек. Вопросы выбора языка обучения решались районным отделом образования в зависимости от национального состава учеников и желания родителей. Большинство школ в Малоритском районе были белорусскоязычными. Формировалась система профессионального образования. Началась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения.

Принятие данного постановления привело к тому, что буквально за несколько месяцев изменился количественный состав школ. В 1941 г. в Малоритском районе было открыто 42 школы: 36 начальных и 6 неполно-средних, в которых обучалось 5 120 учеников и работало 130 учителей. Школы обычно возводились путём народной стройки, но чаще они размещались в приспособленных под это помещениях, а иногда в комнатах, арендованных у крестьян. Работа школ была связана со значительными трудностями: не хватало учебников, тетрадей, парт, топлива. С началом Великой Отечественной войны все школы в Малоритском районе закрылись, а 38 школ были полностью уничтожены фашистами.

Серьёзной проблемой для страны была неграмотность значительной части взрослого населения, особенно крестьянства. Декрет о всеобщем обучении обязывал всё население в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обучаться грамоте на родном или русском языке (по желанию). В связи с этим в большинстве населённых пунктов в Малоритском районе были созданы курсы по ликвидации неграмотности для взрослых и для тех, кто получил начальное образование в польских школах. Например, такую школу в д. Борки организовала А. И. Руднюк. Однако безусловная реализация мероприятий по полной ликвидации неграмотности среди взрослого населения в районе началась только после войны.